

КЛАРА РАДНОТИ

ТАК НАЗЫВАЕМАЯ РУСОФОБИЯ ИНОСТРАННЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПО МОСКОВИИ¹

THE SO-CALLED RUSSOPHOBIA OF FOREIGN TRAVELERS TO MUSCOVY

When Muscovy appeared on the European political scene, she was greeted with general benevolence. Muscovy was considered a stronghold of Christianity, a natural ally not only against the Turkish menace, but also against the Protestant forces of Europe. It is true that travelers also mentioned national weak points such as drunkenness, but they did not attach much importance to it, considering it just an interesting feature. This has changed radically since the Livonian Wars. Since that time, the defender of the true faith turned into a heretic, Muscovy turned into a kingdom of barbarism and cruelty. The hostility of neighboring countries is well reflected in the pamphlets published in large numbers and informed Europe of an aggressive, cruel enemy. These pamphlets provided immediate information about the wars, but didn't care much about the authenticity of the news. The title of the Grand Duke of Moscow was mixed up with the title of Turkish sultan, in illustrations Russians were depicted as Turks and soon. Stereotypes used to describe Turks were also used against Russians. The harsh generalizations and platitudes in the pamphlets were widely distributed, while the competent, scholarly works were only accessible to a narrow circle, thus having a significantly smaller effect than leaflets displayed in large quantities. It was all in vain that some educated diplomat-authors wrote objectively and provided a more detailed picture of Muscovy closer to reality, the loud press suppressed their voices.

Keywords: travelers to Muscovy, reports of travelers, image of Muscovy, stereotypes, pamphlets of the Livonian Wars, influence of the press

Klára Radnóti – PhD in History, senior curator, Hungarian National Museum Department of Early Modern Period. Email: radnoti@hnm.hu

1 This study is a written version of a lecture given at the 'Memory Politics and Russophobia in Central and Eastern Europe and Russia' conference held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

*Citation: KLÁRA RADNÓTI, "Tak nazyvaemaia rusofobiia inostrannykh puteshestvennikov po Moskovii" [The So-Called Russophobia of Foreign Travelers to Muscovy], *Russian-StudiesHu* 5, no. 2 (2023): 169–181. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.20*

После освобождения от монгольского ига и объединения русских земель Московское государство вступало на международную арену почти одновременно с появлением на Востоке турок, а на Западе – «чумы лютеранского нечестия». В силу этого Западная Европа с большим интересом обратила тогда своё внимание на Московию. Сообщения путешественников (купцов, дипломатов и просто авантюристов) оказывали большое влияние на формирование общественного мнения. В Западной Европе XVI в. представления о России так же формировались под влиянием путевых впечатлений таких путешественников. Благодаря возникновению книгопечатанья информация о новых открытиях распространялась уже довольно быстро. Именно в этот период в печати появились первые трактаты, целиком посвящённые описанию Московского государства.

Среди них следует особо выделить три: произведения Павла Иовия², Иоганна Фабри³ и Альберта Кампенского⁴, созданные в середине 20-х гг. XVI в. В них с откровенной симпатией даётся описание нового государства, мало знакомого европейцам. На самом деле эти авторы писали о Московии то, что им хотелось бы видеть у себя дома. В то время, как власть императора Священной Римской империи была слаба и условна – германские князья и города часто не подчинялись ему, а сам император с большим трудом собирал налоги и войско – москвиты «тотчас спешат исполнить любое повеление своего императора, яко повеление Божье». Великий князь «за короткое время может собрать двести или триста тысяч или иное огромное число (ратных людей), когда он намеревается вести войско против своих врагов ... Словом, нет другого народа, более послушного своему императору, ничего не почитающего более достойным и более славным для мужа,

-
- 2 Paolo Giovio (1483–1552) – его работа была издана в Риме в 1525 г.: *Libellus de Legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII Pontificum maximum, in qua situs regionis antiquis incognitus, religio gentis, mores et causae legationis fidelissime referuntur*
 - 3 Ioannes Faber (1478–1541) – его трактат о религии москвитов появился в 1526 г.: *Ad Serenissimum principem Ferdinandum Archiducem Austriae, Moscovitarum iuxta mare glaciale religio, à D. Ioanne Fabri aedita Basileae, 1526.*
 - 4 Alberto Campense (1490–1542) – *Lettera d'Alberto Campense, che scrivo al beatissimo padre Clemente VII intorno alle cose di Moscovia e dello stato de Moscoviti et como quanta facilità si ridurrebbero alla ubedienza della Santa Chiesa Romana.* Письмо появилось в печати в 1543 г. в Венеции, хотя Альберто Кампензе написал его около 1523 г.

нежели умереть за своего государя»⁵ – пишет Йоганн Фабри, дипломат эрцгерцога Фердинанда Габсбурга, учёный, убежденный католик, а с 1530 г. епископ венский. Когда же на Западе начинают распространяться различные направления Реформации, то Московия в заметках этих авторов рисуется примером набожности и религиозной чистоты. «Веруют во единого Бога, отличаются от нас только тем, что отвергают единство церкви... они, кажется, лучше нас следуют учению Евангельскому». «Москвитяне были бы гораздо праведнее нас если бы не препятствовал тому раскол наших церквей»,⁶ – писал в это же время Альберт Кампенский, теолог и астроном голландского происхождения. Павел Иовий Новокомский (Паоло Джовио – итальянский историк, врач, биограф и епископ Ломбардии) и Альберт Кампенский писали о том, что Василий III стремился получить королевский титул от цесаря Максимилиана⁷ и «он пожелал в деле религии соединиться с нами».⁸ В данном случае цель Кампенского и Павла Иовия состояла в том, чтобы доказать папе Клименту VII и образованной Европе как легко вовлечь Московию в орбиту католического влияния и показать какие выгоды вытекают из этого единства.⁹

В то время известия о москвитях, а также о власти и богатстве русского государя, имели и политическую актуальность. Ведь с падением Константинополя турецкая экспансия создала новые геополитические условия на востоке Европы. В силу того, что побережье Италии находилось под постоянной угрозой со стороны Турции, побережье Атлантики стало исходным пунктом крупных географических открытий. Это привело к тому, что итальянские торговые города были вынуждены постепенно уступить туркам господство на Средиземном море. Изменение морских торговых путей нанесло серьёзный ущерб интересам североитальянских городов.

Для венгров и австрийцев сопротивление османам и объединение сил против турок так же стало вопросом жизни и смерти. И как глава

5 Йоганн Фабри, „Религия москвитов“, in *Россия в первой половине XVI.: Взгляд из Европы*. Сост. О. Ф. Кудрявцев (Москва: Русский мир, 1997), 177–178.

6 Альберт Кампенский, «О Московии», in *Россия в первой половине XVI.: Взгляд из Европы*. Сост. О. Ф. Кудрявцев (Москва: Русский мир, 1997), 107.

7 Альберт Кампенский, «О Московии», 109. и 86., Paulus Iovius, „Elogia virorum illustrium“, in *Россия в первой половине XVI.: Взгляд из Европы*, 349 и 353.

8 Кампенский, «О Московии», 97. и 102–110., Павел Иовий, «Книга о московитском посольстве», in *Россия в первой половине XVI.: Взгляд из Европы*, 257.

9 Кампенский, «О Московии», 96–97., 107–108., Павел Иовий, «Книга о московитском посольстве» 257–289.

христианского мира Папа Римский должен был бы возглавить общую борьбу против врагов христианства.

Кратко резюмируя основные выводы трех вышеупомянутых трактатов, можно отметить, что по мнению их авторов Московия – страна богатая, с набожными, благожелательными жителями, с огромной и послушной армией, с подданными, лояльными правителю. Даже русский государь склонен признать верховенство Папы Римского, следовательно, Московия считалась авторами трактатов оплотом христианства (*Antemurale Christianitatis*) и естественным союзником не только против турецкой угрозы, но и против протестантских сил Европы.

Вот почему был нарисован образ идеализированной, безупречной с религиозной точки зрения, очень сильной в военном отношении страны, которой нужно лишь небольшое поощрение, чтобы она была готова подчиниться папской воле и повернуть свой меч против врагов христианства.

Следует однако отметить, что создатели этого положительного образа ни разу не посетили Московию. Так, Альберт Кампенский писал свою работу на основе рассказов отца и братьев, которые бывали в Московии по торговым делам. Йоганн Фабри получил свою информацию от посла Василия III к Карлу V в Испанию. Паоло Джовио опирался на рассказы Дмитрия Герасимова, посла Василия III к папе, и Павла Чентурионе, генуэзского купца и папского гонца в Москву. И, конечно, все трое хорошо знали труды своих предшественников: трактаты античных авторов и воспоминания предыдущих поколений путешественников. Однако образ Московии, который был создан Кампенским, Фабри и Джовио, был несколько перерисован авторами, имевшими личный опыт, т.е. побывавшими в Московии. Тем более, что и их произведения появились в печати примерно в это же время и значительно повлияли на европейское общественное мнение.¹⁰

Повсеместное распространение получила «Книга путешествия» Марко Поло (1254–1324), изданная в Италии в конце XV в. (между 1484–1490 гг.). В этой книге Марко Поло пишет, что жители России люди высокого роста, красивые по внешнему виду. Они христиане по греческому обряду. Очень простые и склонные к пьянству. Их страна обширна, а зима чрезвычайно холодна. У них лучший мех на свете.¹¹ Сделанное

¹⁰ см. подробнее KLÁRA RADNÓTI, *Európa Moszkóvia-képe a XV–XVI. században* (Budapest: Magyar Ruzsisztikai Intézet, 2002), 11–39., 78–165., GyULA SZVÁK, *Mi az orosz? A magyarok (és mások) orosz-képéről*, (Budapest: Russica Pannonicana, 2016), 9–49.

¹¹ *Marco Polo utazásai*. ford. ENDRE VAJDA (Budapest: Gondolat Könyvkiadó, 1984), 373–375.

им описание москвитов таким образом заложило основы стереотипов о Московии.

Другим автором-путешественником можно назвать Амброджо Контарини (1429–1499), который в качестве посла венецианской республики ездил к персидскому хану Узун Хассану в 1476 г. для заключения договора против турок. На обратном пути он попал в Москву и получил «информацию из первых рук». Хотя и он писал, что русские очень красивы, как мужчины, так и женщины, но, по его мнению, эти красивые люди очень грубы. «Они величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая непьющих. У них нет никаких вин, но они употребляют напиток из мёда... государь не допускает, чтобы каждый мог свободно его готовить, потому что, если бы они пользовались подобной свободой, то ежедневно были бы пьяны и убивали бы друг друга, как звери... У них есть свой папа, как глава церкви, нашего же они не признают и считают, что мы вовсе погибшие люди... Местные обычаи были неприемлемы для моей природы»¹², – резюмирует Контарини и этим объясняет, почему у него возникло сильное желание вернуться на родину.

«Они считают себя святее нас», – подтвердил мысли предшественников английский первооткрыватель Московии (1553) Ричард Ченслор (около 1521–1556)¹³, капитан, доехавший до Москвы в поисках торгового пути в Китай. Иезуит Антонио Поссевино (1533–1611), папский легат (посредник в мирных переговорах между Россией и Польшей, посол папы Григория XIII к Ивану IV в 1582 г.), так же писал о том, что «О себе москвиты имеют самое высокое мнение, остальные же народы, по их мнению, достойны презрения. Они считают, что их страна и образ жизни самые счастливые из всех»¹⁴. По мнению учёного Адама Олеария (1599–1671) москвиты относятся терпимо и ведут сношения с представителями всех наций и религий, как-то с лютеранами, кальвинистами, армянами... что же касается римско-католиков, или папистов... они вместе с религией были как бы мерзостью в их глазах»¹⁵. Поссевино

12 Амброджо Контарини, «Путешествие в Персию», in Е. Ч. Скржинская, *Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.* (Ленинград: Наука, 1971), 228–230.

13 Ричард Ченслор, «Книга о великом и могущественном царе России», in *Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков*, ред. М. М. Сухман (Москва: Столица, 1991), 36.

14 Антонио Поссевино, *Исторические сочинения о России XVI в.* (Москва: Издательство Московского Университета, 1983), 207.

15 Адам Олеарий, «Описание путешествия в Московию», in *Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев*, ред. Ю. А. Лимонов (Ленинград: Лениздат, 1986), 413.

считает, что русский правитель ритуально моет руки после приёма католических послов, показывая этим, что они «грязь», что неправославные люди достойны пренебрежения.¹⁶ По Мейербергу (1612–1688, посол императора Леопольда Габсбурга к Алексею Михайловичу в 1661 г.) русские горды и надменны, считают себя выше всех.¹⁷ Сопоставление типа «мы-они» казалось совершенно естественным с обеих сторон. Подобный приём, кстати, работает и по сей день. Несмотря на то, что в печати появились мнения, согласно которым «существует нечто общее, что роднит наших людей (...) с ними: я имею в виду простоту, воздержание, покорность, отвращение к богохульству», перечисляет Поссевино хорошие качества русских, но и он не признаёт этих варваров за европейцев, ведь «московиты произошли от смешения скифов с татарами».¹⁸

Действительно, по мнению русских церковных учёных, Москва стала наследницей Византии, а значит и Рима, благодаря её истинной вере и преданности Богу.¹⁹ На этом фоне с середины XV в. формировался культ исключительности, богоизбранности русского государя, государства, церкви и народа. Московиты – избранный народ, даже новый Израиль. Сам царь – защитник веры, непосредственный наместник Бога на земле, носитель истины и божественной справедливости. В этой идеологии любое выступление против власти расценивалось как выступление против Бога.²⁰

В этот период акценты смещаются. Путешественники уже часто критикуют российские обычаи. По Ричарду Ченслору русские во время службы в церквях гогочут и кланяются, как стадо гусей.²¹ По мнению Барберини россияне суеверно уважают иконы,²² а для протестантов это русское почитание икон – языческое идолопоклонство.²³

16 ПОССЕВИНО, *Исторические сочинения о России XVI в.*, 65–66 и 207.

17 В. Н. БОЧКАРЕВЪ, *Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современниковъ-иностранцевъ*, (С-Петербургъ: Энергія, 1914), 133.

18 ПОССЕВИНО, *Исторические сочинения о России XVI в.*, 35.

19 FİLOFEJ szerzetes, „Levél a rossz napokról és órákról”, *Aetas* 10, no. 3 (1995): 127–136.

20 Н. В. СИНИЦЫНА, *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)*, (Москва: Индрик. 1998.)

21 ЧЕНСЛОУ, «Книга о великом и могущественном царе России», 36.

22 РАФАЕЛ БАРБЕРИНИ, «Путешествие в Московію в 1565 году», in *Сказания иностранцев о России, в XVI и XVII веках*. Перевод В. Любич-Романович, (Санктпетербург, 1843), 67.

23 Т. В. ЧЕРНИКОВА, *Европеизация России во второй половине XV–XVII веках* (Москва: Издательство «МГИМО- УНИВЕРСИТЕТ», 2012), 238.

Эти замечания, хотя и критические, не являются враждебными. Каждый народ более или менее видит свою страну как центр мира, и считает себя более отличным от всех остальных. Это универсальное человеческое свойство. Взаимопонимание различных культур, точнее двух миров, очень трудное дело, ведь западные путешественники, с одной стороны, вообще относились к московскому иноверческому миру сдержанно, а, с другой стороны, предубеждение против незнакомцев – характерная черта русских. Но стереотипы о других народах встречаются в европейском общественном сознании той поры повсеместно. Например, можно вспомнить стереотипы, существование у англичан о венграх в начале XVII в. Так, например, венгерская земля описывается как очень плодородная, она изобилует зерном и скотом, а венгерское вино и вовсе отличное. В то же время венгерский крестьянин жесток, вероломен. Дворяне же любят красиво одеваться и любят своих лошадей, но при этом необразованы. Вообще венгры описываются как коварные, двуличные и вороватые люди.²⁴

Отношения между англичанами и французами также были враждебными на протяжении веков, что порождало взаимные стереотипы и предубеждения. Согласно английской присказке, есть два вида существ, которые населяют мир – люди и французы. По мнению французов Англия является естественным врагом Франции, а англичане – нация торгашей, жадная, хвастливая, несправедливая и злобная. Англия и Франция были соперниками во многих областях, что приводило к тому, что политики систематически разжигали ненависть народов друг к другу, укрепляя предрассудки низших классов в своих личных целях.²⁵

При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что в те времена от людей не ожидалось понимания, терпимости, уважения к инаковости (другим народам, их привычкам и т.п.) как непреложной нормы. Кроме того, предрассудки по отношению к другим народам являются одними из самых устойчивых формирований в истории.

Иностранные авторы XVI в. довольно подробно изображают московское государство несмотря на то, что у них было маловато личного опыта, ведь русские не общались с иностранцами, которые в преде-

24 "A Relation of a Journey of the Right Honourable My Lord Henry Howard from London to Vienna, and thence to Constantinople", in *Angol és skót utazók a régi Magyarországon (1542–1737)*, Szerk. György Gömöri (Budapest: Argumentum, 1994) 36–37.

25 PÉTER HANNER, „A „békaevő” franciák és a „perfid” angolok”, *História* IX, no. 1 (1987): 11–12.

лах Московии содержались «под почётным арестом».²⁶ Поэтому тексты иностранных авторов следует рассматривать со строгой критикой.

С течением времени образ Московии менялся. Однако сведения путешественников совпадали, когда речь заходила о власти московского государя. В образе Московии, нарисованном европейскими авторами, центральное место занимает государь всея Руси, царь и иерарх в одном лице. «Они прямо заявляют, что воля государя есть воля божья, и что бы ни сделал государь, он делает это по воле божьей»²⁷, — информирует нас Герберштейн (1486–1566), «слуга четырёх королей», посол Габсбургского дома, автор энциклопедического труда о России. «Великий государь всё знает, всё может, всё в его власти», — пишет Паоло Кампани (1540–1592)²⁸, и «то, что относилось к почитанию Бога, он перенёс на прославление себя самого»²⁹, — замечает Поссевино.

Иностранные очевидцы наблюдали огромный авторитет, неограниченность власти русского монарха. «Властью, которую он имеет над своими подданными, — пишет Герберштейн о Василии III, — он далеко превосходит всех монархов целого мира»³⁰. В свою очередь Поссевино отмечает, что Иван IV «...хочет быть полным господином имущества, тела, души, а даже как бы мыслей подданных»³¹.

Авторы первых трактатов радовались появлению такого сильного государства на границе Европы, ведь они искали в нём союзника. Но позже выяснилось, что государь всея Руси не желает сочетаться с европейцами вечным союзом, а его самого нельзя привлечь под власть папы и обратить в католичество. Более того, интересы московского государя часто противоположны воле европейских монархов, а иногда и враждебны. И тогда с ним надо считаться, как с врагом. И в этом случае его огромная военная сила и власть уже внушали страх.

В те времена внешняя политика России имела две четко определённые цели. С одной стороны, Московское государство пыталось расширить свои границы на запад, именно поэтому Московия вела войны с польско-литовским и шведским государствами. С другой стороны,

26 Сигизмунд ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки о Московии* (Москва, Издательство Московского Университета, 1988), 207., Поссевино, *Исторические сочинения о России XVI в.* 205. и 25., и КАМПЕНСКИЙ, «О Московии», 106.

27 ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки о Московии*, 74.

28 «Московское посольство», in *Исторические сочинения о России XVI в.*, 207.

29 ПОССЕВИНО, *Исторические сочинения о России XVI в.* 23.

30 ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки о Московии*, 72.

31 ПОССЕВИНО, *Исторические сочинения о России XVI в.*, 24.

Москва пыталась завербовать иностранных мастеров и ремесленников из-за рубежа, чтобы преодолеть свою техническую отсталость. Соседние государства опасались укрепления России, её экспансионистских стремлений, поэтому старались изолировать её всеми возможными средствами.

За период 1492–1591 гг. Московия трижды воевала со Швецией, семь раз с Литвой, завоевала в Поволжье земли Ногайского, Казанского и Астраханского ханств, воевала с крымскими татарами на Юге, разгромила ханства Кучума, начала покорение Западной Сибири, 25 лет боролась с Ливонией.³² Выяснилось, что Московия, поскольку её непосредственные интересы не диктовали антитурецкие действия, только обманула западные державы обещанием совместной войны с Турцией, а утверждение общей веры было просто удивительно ловким дипломатическим трюком со стороны российских правителей.

Когда Московия появилась на европейской политической арене, её приняли довольно благосклонно. Радикальные изменения образа России начинают происходить со времён Ливонских войн. С этого времени в общественном сознании защитница истинной веры превращается в еретика, Московия становится царством варварства и жестокости. Война сильно повлияла на суждение о русских. Точно так же, как ранее европейцы хвалили потенциального союзника, не боясь преувеличений, теперь европейцы с таким же усердием ругали Москву как врага, проецируя искажённую личность Ивана Грозного на весь русский народ. Антипатия соседних стран хорошо отражена в памфлетах, которые выходили в большом количестве и информировали Европу об агрессивном и жестоком противнике. Между 1561 и 1582 гг. в Нюрнберге, в самой крупной типографии на германской территории, было опубликовано около пятидесяти памфлетов о поступках Ивана Грозного, каждый из которых выдержал как минимум по два издания.³³

Авторы памфлетов, давая актуальную информацию о ходе военных действий, нисколько не стремились к достоверности сообщаемой информации. Так, например, титул великого князя Московского смешивался с титулом турецкого султана, а на иллюстрациях русских изображали турками (турецкие и московские памфлеты печатались ча-

32 ЧЕРНИКОВА, *Европеизация России во второй половине XV–XVII веках*, 257.

33 ANDREAS KAPPELER, “Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Rußlandliteratur des 16. Jahrhunderts”, in MERTILD KELLER (Hg.), *Russen und Rußland aus deutscher Sicht: 9. – 17. Jahrhundert* (München, 1985), 159.

стично в одних и тех же типографиях, например у Леонарда Гейсслера в Нюрнберге) и т.д. Стереотипы, использовавшиеся для описания турок, применялись и в отношении русских. Широко распространялись грубые обобщения и клише. Влияние памфлетов на общественное мнение было намного больше, чем влияние научных публикаций, которые были доступны лишь узкому кругу читателей.³⁴ Так, например, во время Ливонской войны армию Иштвана Батория (трансильванского князя, короля польского и великого князя литовского), сопровождала военно-полевая типография, где печатались актуальные сообщения о ходе военных действий. Сразу оценив пропагандистское влияние прессы, Баторий немедленно ввел цензуру, дабы сообщать сведения лишь в нужной ему интерпретации. Свежими новостями о военных событиях Баторий информировал не только образованную публику. В его типографии издавались листовки, предназначенные для более широкого круга читателей, и служившие целям королевской пропаганды. В них всячески превозносили короля и его военные успехи. В данном случае речь шла уже не о подлинности, а об эмоциональном и политическом воздействии на читателей.³⁵

В конечном счёте образ России в этих листовках может быть интерпретирован как отражение мировоззрения их авторов, а не как реалистические представления о России и русских. Во многих сочинениях чувствуется христианское непонимание авторов: в этом смысле война – это наказание Бога за свои собственные грехи, значит русские появились в роли «бича Божия», как ранее турки. Поэтому, как ни странно, листовки порой призывали своих читателей покаяться, обращаться к Богу, а не сражаться с атакующим врагом.³⁶

Напрасно некоторые образованные авторы-дипломаты писали объективно, устарались представить читателю более объективные и детальные сведения о Москве (трактаты Герберштейна, Кобенцля, Принтца, Поссевино). Их голос заглушался громкой, сенсационной прессой.

34 ANDREAS KAPPELER, "Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Rußlandliteratur des 16. Jahrhunderts", 159–163.

35 ILDIKÓ HORN, „Báthory István uralkodói portréja”, in *Portré és imázs: politikai propaganda és reprezentáció a kora újkorban*. Szerk. NÓRA G. ETÉNYI (Budapest: L'Harmattan Kiadó, 2008), 381.

36 KAPPELER, «Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Rußlandliteratur des 16. Jahrhunderts», 163–165.

В результате этого образ Московского государства изменился до неузнаваемости, став тёмным и страшным. В общественном сознании Московия превратилась в империю зла, став ужасным, грозным врагом Европы. А символом этого русского деспотизма стал Иван Грозный. Образ Ивана доминирует над образом России. Портрет Ивана Грозного — первое четко прорисованное изображение правителя московского, а в его лице и русского человека вообще.

«Это был гнусный варвар, кровопийца и тиран, великий скряга, безбожник, распутник, бешеный, гордый, неправосудный и злой человек, насилователь женщин, взбалмошен, неприветлив, прихотлив и беспокоен, охотник до пошлых дураков и мошенников», — писал один из участников шведской интервенции.³⁷ По мнению представителя Англии в Москве, Джерома Горсея, «Главное наслаждение царя, которого руки и сердце были обагрены кровью, заключалось в том, чтобы выдумывать новые мучения, пытки и смертные казни над теми, на которых он гневался, или которых наиболее подозревал ...»³⁸.

В соответствии со сложившимся общественным мнением русские были отождествлены со своим правителем. И эта характеристика глубоко укоренилась в общественном сознании. Так немецкая «Таблица народов», частый атрибут трактиров первой половины XVIII в., таким образом представляла русских: они весьма грубы, злобны, склонны к дракам и очень глупы. Русских изображали в виде ослов.³⁹ Не очень лестное мнение, но очень похожее на то, как изображали в тот период венгров. Если в первой половине XVIII в. образом, олицетворявшим русских, был осёл, после наполеоновских войн символом России становится медведь. Примерно в 1830-ом г. термин «брутальный русский медведь»⁴⁰ становится уже широко известен в Европе. С тех пор медведь — наиболее частный политический образ России, используемый в Европе как во внутривнутриполитических, так и во внешнеполитических целях. Так утвердился угрожающий образ российской нации.

37 Черникова, *Европеизация России во второй половине XV–XVII веках*, 290.

38 ДЖЕРОМ ГОРСЕЙ, «Сокращённый рассказ, или Мемориал путешествий» in *Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев*, 165.

39 Völkertafel – Az Európában található népek és tulajdonságaik rövid leírása, *História IX*, no 1. (1987): 17.

40 Дюла СВАК, «Россия и её имидж», in *Образ России с центрально-европейским акцентом*, ред. Дюла СВАК, Илона Киш, (Budapest: Russica Pannonicana, 2010), 9–15.

References

RAFAEL BARBERINI, "Putesestvie v Moskoviiu v 1565 godu" [A Journey to Muscovy in 1565], in *Skazaniia inostrantsev o Rossii v XVI i XVII vekakh*, per. V. LIUBICH-ROMANOVICH (Sankt-Peterburg, 1843), 67.

V. N. BOCHKAREV, *Moskovskoe gosudarstvo XV–XVII vv. po skazaniiam sovremennikov"-inostrantsev* [Muscovy in the 15th–17th Centuries According to Contemporary Foreigners] (S-Peterburg: Energiia, 1914), 133.

RICHARD CHENSLOR, "Kniga o velikom i mogushchestvennom tsare Rossii" [A Book About the Great and Powerful Tsar of Russia], in *Inostrantsy o drevnei Moskve: Moskva XV–XVII vekov*, red. M. M. SUKHMAN (Moskva: Stolitsa, 1991), 36.

T. V. CHERNIKOVA, *Evropeizatsiia Rossii vo vtoroi polovine XV–XVII vekakh* [Europeanization of Russia in the Second Half of the 15th–17th Centuries] (Moskva: Izdatel'stvo MGIMO-UNIVERSITET, 2012), 238., 257., 290.

IOGANN FABRI, "Religiia moskovitov" [The Religion of the Muscovites], in *Rossiiia v pervoi polovine XVI.: Vzgliad iz Evropy*, sost. O. F. KUDRIAVTSEV (Moskva: Russkii mir, 1997), 177–178.

FILOFEJ szerzetes, „Levél a rossz napokról és órákról” [A Letter About the Bad Days and Hours], *Aetas* 10, no. 3 (1995): 127–136.

SIGIZMUND GERBERSTEIN, *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovite Affairs] (Moskva, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1988), 72., 74., 207.

DZHEROM GORSEI, "Sokrashchennyi rasskaz, ili Memorial puteshestvii" [An Abridged Story, or Travel Memorial], in *Rossiiia XV–XVII vv. glazami inostrantsev*, red. Iu. A. LIMONOV (Leningrad: Lenizdat, 1986), 165.

PÉTER HAHNER, „A „békaevő” franciák és a „perfid” angolok” [The “Frog-eater” French and the “Traitor” English People], *História* IX, no. 1 (1987): 11–12.

ILDIKÓ HORN, „Báthory István uralkodói portréja” [Portrait of Stephen Bathory], in *Portré és imázs: politikai propaganda és reprezentáció a kora újkorban*. Szerk. NÓRA G. ETÉNYI (Budapest: L'Harmattan Kiadó, 2008), 381.

PAVEL IOVII, "Kniga o moskovitskom posol'stve", [A Book About the Moscow Embassy] *Rossiiia v pervoi polovine XVI.: Vzgliad iz Evropy*, sost. O. F. KUDRIAVTSEV (Moskva: Russkii mir, 1997), 257–289.

PAULUS IOVIUS, "Elogia virorum illustrium", [In Praise of Illustrious Men of Military Virtue], in *Rossiiia v pervoi polovine XVI.: Vzgliad iz Evropy*, sost. O. F. KUDRIAVTSEV (Moskva: Russkii mir, 1997), 349., 353.

AL'BERT KAMPENSKII, "O Moskovii" [About Muscovy], in *Rossiiia v pervoi polovine XVI.: Vzgliad iz Evropy*, sost. O. F. KUDRIAVTSEV (Moskva: Russkii mir, 1997), 86., 96–97., 102–110.

ANDREAS KAPPELER, "Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Rußlandliteratur des 16. Jahrhunderts", [The German Pamphlets About the Muscovites and Ivan the Terrible in the Context of Russian Literature of the 16th Century] in MECHTILD KELLER (Hg.), *Russen und Rußland aus deutscher Sicht: 9. – 17. Jahrhundert* (München, 1985), 159–165.

AMBRODZHO KONTARINI, "Puteshestvie v Persiiu" [Journey to Persia], in. E. CH. SKRZHINSKAIA, *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istoriiu italo-russkikh sviazei v XV v.* (Leningrad: Nauka, 1971), 228–230.

ADAM OLEARII, “Opisanie puteshestviia v Moskovskogo”, [Description of the Journey to Muscovy] in *Rossiiia XV–XVII vv. glazami inostrantsev*, red. Iu. A. LIMONOV (Leningrad: Lenizdat, 1986), 413.

Marco Polo utazásai [The Travels of Marco Polo] ford. ENDRE VAJDA (Budapest: Gondolat Könyvkiadó, 1984), 373–375.

ANTONIO POSSEVINO, *Istoricheskie sochineniia o Rossii XVI v.* [Historical Writings About Russia in the 16th Century] (Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1983), 23–24., 35., 65–66., 205., 207.

KLÁRA RADNÓTI, *Európa Moszkóvia-képe a XV–XVI. században* [The Image of Muscovy in Europe in the 15th–16th Centuries] (Budapest: Magyar Ruzsisztikai Intézet, 2002), 11–39., 78–165.

“A Relation of a Journey of the Right Honourable My Lord Henry Howard from London to Vienna, and thence to Constantinople”, in *Angol és skót utazók a régi Magyarországon (1542–1737)*, szerk. GYÖRGY GÖMÖRI (Budapest: Argumentum, 1994), 36–37.

N. V. SINITSYNA, *Tretii Rim. Istoki i evoliutsiia russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI. vv.)* [Third Rome. Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15–16th Centuries)] (Moskva: Indrik, 1998).

DIULA SVAK, “Rossiia i ee imidzh” [Russia and Its Image], in *Obraz Rossii s tsentral'no-evropeiskim aktsentom*, red. DIULA SVAK, ILONA KISH (Budapest: Russica Pannonicana, 2010), 9–15.

GYULA SZVÁK, *Mi az orosz? A magyarok (és mások) orosz-képéről* [What is Russian? About the Russian Image of Hungarians (and Others)] (Budapest: Russica Pannonicana, 2016), 9–49.

„Völkertafel – Az Európában található népek és tulajdonságaik rövid leírása” [Völkertafel – A Brief Description of the Peoples and Their Characteristics in Europe], *História* IX, no 1. (1987): 17.